

ТРАДИЦІЙ Н. В. ГОГОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. БУЛГАКОВА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 27.

УДК 821.161.1 – 82.091

Шошура С.М. Традиції М.В.Гоголя у творчості М.О. Булгакова; 13 с., кількість бібліографічних джерел – 11, мова російська.

Анотація. Традиції М.В. Гоголя, зокрема його поеми «Мертві душі», розглядаються під кутом зору творчого використання в таких творах М.О. Булгакова, як оповідання «Пригоди Чичикова» та комедія «Мертві душі». Художній досвід «Мертвих душ» Гоголя розкривається в Булгакова як на змістовому рівні (інтерпретація образу Чичикова), так і на рівні використання ним художніх засобів, а також на змістово-формальному рівні (врахування родових і жанрових ознак творів).

Ключові слова: гоголівські традиції, творче використання, образ Чичикова, художні засоби.

Называя Н.В.Гоголя своим любимейшим писателем, с которым «никто не может сравниться» [9, с. 216], М.А.Булгаков подтверждал эту оценку и своим творчеством, в котором использовал художественный опыт великого предшественника.

Не претендуя в рамках данной статьи на всестороннее освещение вопроса, в подтверждение сказанного остановимся лишь на двух его произведениях. Это рассказ «Похождения Чичикова» и комедия «Мертвые души». В них М.А. Булгаковым использованы традиции поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души». Они не были обойдены вниманием исследователей и с точки зрения сформулированной проблемы [7; 9; 11]. Правда, как нам кажется, акцент при этом был сделан на особенностях реализации Булгаковым содержательных моментов гоголевского художественного опыта. Художественные средства, а также степень творческого воплощения традиций поэмы Н.В.Гоголя, на наш взгляд, затронуты слабее. Именно эти моменты проявления гоголевской традиции «Мертвых душ» в произведениях Булгакова как раз и нуждаются в конкретизации и уточнении, что и определяет цель нашего исследования.

Так, в первом из названных произведений – рассказе «Похождения Чичикова» – обращает на себя внимание упоминание в его прологе о приснившемся автору-повествователю сне. Обращение к такому приему позволило писателю мотивировать происходящие события. Ведь во сне может присниться что угодно. Однако он не случайно назван еще и «диковинным», то есть необычным, так как в нем начинают действовать именно гоголевские персонажи. А это возможно при условии, что во сне отражены какие-то реальные события, происходившие в России советского времени и заставившие вспомнить о поэме Н.В.Гоголя. Вот именно такое объяснение дает автору возможность уже в начале повествования выразить благодарность Гоголю, сравнив его «Мертвые души» с мерцанием «неугасимой лампы» [2, с. 331]. Более того, переданное М.А.Булгаковым выражение содержит в себе и такой важный момент, определяющий ценность сделанного Гоголем, как приверженность того к христианскому вероучению, что также нашло отражение в поэме. Имя Гоголя Булгаков упоминает еще дважды в развязке рассказа. В одном случае это связано с выполнением заветного желания ав-

тора-повествователя, который помог действующим лицам своего произведения найти выход из затруднительной ситуации и получил за это награду. Ею для него оказывается «золотообрезный Гоголь», т.е. собрание сочинений Н.В.Гоголя. А в следующем эпизоде автор изображает реакцию повествователя на подарок: «Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не раз утешал меня в хмурые, бессонные ночи, до того, что рявкнул: Ура!» [2, с. 343]. Вот эта прямая констатация ценности гоголевского художественного опыта получает и свое конкретное подтверждение в рассказе. Так, она дает о себе знать уже в его названии, которое представляет первую часть наименования поэмы Гоголя, предложенного, по мнению современных комментаторов произведения, петербургским цензурным комитетом [5, с. 576] в дополнение к авторскому названию – «Мертвые души» и исчезнувшего после октября 1917 года при переиздании поэмы. Избрав выражение «Похождения Чичикова» как название рассказа, М.А.Булгаков проявил, на наш взгляд, избирательность подхода к поэме Н.В.Гоголя. Его интересует не все художественное содержание «Мертвых душ», а только то, что связано с судьбой главного героя – Чичикова. Такой подход, казалось бы, опровергается подзаголовком произведения Булгакова – «Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом», поскольку в нем дается такое же определение его жанра, как и у Гоголя. А ведь известно, что в понятие «поэма», которым обозначен жанр «Мертвых душ», Н.В.Гоголь вкладывал особый смысл, связывая его с изображением в произведении и «героев добродетели», персонажей, таящих «возможность своего пробуждения» [6, с. 570]. Правда, в принципе не исключено, что и М. А. Булгаков, избрав центральным персонажем произведения гоголевского Павла Ивановича Чичикова, мог исходить из такого же понимания жанра, как и автор «Мертвых душ». Однако уже количественный признак произведения Булгакова – небольшой объем текста вызывает в этом сомнение. Дальнейший анализ «Похождений Чичикова» позволяет уточнить понимание автором его жанра как поэмы. Пока же отметим, что принцип избирательности проявляется также и в эпилоге, предпосланном рассказу и представляющим собой фрагмент из одиннадцатой, заключительной главы первой книги «Мертвых душ» Н.В.Гоголя, в

котором рассказывается о встрече брочки Чичикова с «казенным экипажем» во время бегства из губернского города после неудачной попытки приобрести мертвые души.

Кроме того, в прологе рассказа и в последующих его эпизодах творческое использование Булгаковым традиции «Мертвых душ» видится нам также в плотности заселенности его художественного пространства персонажами. Их в нем около сорока. Можно заметить, что они представляют действующих лиц не только первой, но и второй книги гоголевской поэмы (например, Тентетникова), а также его комедии «Ревизор» (Бобчинского, Ляпкина-Тяпкина, Держиморды). Казалось бы, такая насыщенность произведения Булгакова персонажами книг Гоголя должна создавать впечатление их избыточности и восприниматься как недостаток, поскольку с точки зрения современной генологии оно представляет собой рассказ, объем которого не позволяет давать его персонажам такую развернутую характеристику, какой она представлена в поэме Гоголя. Однако этого не происходит, так как писатель учитывает жанровые возможности своего произведения. Лишь несколько персонажей он характеризует лаконичными, но емкими штрихами, создающими о них у читателей представление. Так, Манилов показан «в шубе на больших медведях», что, по-видимому, должно придать значительность его особе, которой он на самом деле не обладает. Ноздрев изображен едущим «в чужом экипаже», что подтверждает привычку того злоупотреблять гостеприимством знакомых. Собакевич нарисован как любитель хорошо поесть и не упустить своей выгоды в любом деле. Упоминает автор и о Коробочке, которая, как и в поэме Гоголя, своим поведением доставляет Чичикову неприятности. Однако в подавляющем большинстве случаев Булгаков только называет имена, фамилии и прозвища своих персонажей, рассчитывая на то, что они хорошо знакомы читателям по произведениям Гоголя. Поэтому эта особенность его рассказа с художественной точки зрения вполне оправдана. Цель же их введения, на наш взгляд, состоит в том, чтобы показать, как реагируют на происходящее в стране представители разных слоев общества, живущие уже в новых социальных условиях. Но, конечно, как подсказывает название рассказа, основное внимание в нем автор уделяет изображению поведения Чичикова, который в произведении М.А.Булгакова наделен чертами сатирического образа А его особенностью, по мнению исследователей сатиры, является передача в поведении персонажа «отрицательного жизненного явления в крайнем своем проявлении» [10, с. 6]. Так, отражение этой черты в образе Павла Ивановича Чичикова ощущается уже в том, что он является одним из тех персонажей «Мертвых душ», которых оживил и выпустил из мертвого царства на Советскую Русь «шутник сатана», конечно же, не для добрых дел. Этой же цели служит явно не случайно использованное автором слово «ватага», поскольку включает в себе и негативный смысл (шумная толпа, сборище) [8, с. 65].

В последующих эпизодах произведения негативное авторское отношение к Чичикову получает свое развитие и углубление. Скажем, оно дает о себе знать в эпизоде, когда, оказавшись в Москве, Чичиков ругает Гоголя за то, что своим произведением тот создал ему дурную репутацию, а также при изображении писателем многочисленных проделок Чичикова в советское время, связанных с нарушением закона. Такое изображение Булгаковым гоголевского персонажа дает определенное основание утверждать, что использование им гоголевской традиции при воссоздании образа Чичикова проявляется в форме определенной полемики с автором «Мертвых душ», который в одиннадцатой главе первой книги поэмы более осторожно характеризует своего героя. «Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель» [5, с. 282], – пишет он, хотя при этом и делает оговорку, что «приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*» [5, с. 282]. Как нам кажется, полемизируя с гоголевской трактовкой образа Чичикова в рассказе, Михаил Булгаков в то же время и учитывает её, проявляя тем самым уважение к своему предшественнику. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что прямую, нелюбезную характеристику Чичикову в рассказе, называя его мошенником, дает сначала не автор-повествователь, а некий «среди всей компании один», который «Гоголя ... и в руки не брал, но обладал маленькой долей здравого смысла» [2, с. 337]. Вот эта сатирическая окрашенность образа Чичикова в произведении Булгакова позволяет уточнить использованное им определение его жанра как поэмы. Совпадая по своему наименованию с тем, как определял жанр «Мертвых душ» Н. В. Гоголь, у М. А. Булгакова оно включает в себе не положительный, а скорее всего иронический смысл. С точки же зрения современного жанрового определения произведение М. А. Булгакова – это рассказ и рассказ сатирический со всеми вытекающими из такого обозначения признаками (отражение негативного жизненного явления; изображение персонажей, не осознающих своих недостатков, наличие авторской идейно-эмоциональной оценки негативного явления в виде смеха) [10, с. 6–11].

Гоголевская традиция в рассказе М. А. Булгакова ощущается также и при решении вопроса о возможности исправления героя. И здесь можно почувствовать полемику Булгакова с Гоголем. Если Гоголь, как известно, надеялся на духовное возрождение своего героя, о чем свидетельствуют уцелевшие главы второй книги «Мертвых душ», то Михаил Булгаков в рассказе придерживается другого мнения. Изображение им, каким образом автор-повествователь возвращает награбленное Чичиковым, как раз и передает, по нашему мнению, авторскую мысль о том, что только суровое наказание может исправить оступившегося человека. Однако авторская форма исправления гоголевского героя оказывается эффективной только во сне. Сам же рассказ заканчивается пробуждением его автора и возвращением к прежней жизни, которая «пошла

... по-будничному щеголять» [2, с.343]. Думается, в такой концовке рассказа выразилось понимание М. А. Булгаковым сложности устранения тех недостатков в обществе, о которых писал в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголь, и в новых социальных условиях. И если развязка произведений Н.В.Гоголя выражает авторскую оценку, которую современные исследователи определяют как «смех сквозь слезы» [1, с. 122], то взгляд М. А. Булгакова на возможность искоренения зла в обществе можно было бы передать как «грустную улыбку» автора-повествователя, поскольку победа над злом была достигнута им только во сне. И в этом ее выражении также можно видеть творческое усвоение писателем художественного опыта Н.В.Гоголя.

Вторично обращение Булгакова к художественному опыту книги Н.В.Гоголя произошло в 30-е годы XX века, когда на её материале он создал пьесу под одноименным с гоголевским произведением названием – «Мертвые души». Не вдаваясь в подробности, связанные с историей написания М.А.Булгаковым пьесы, поскольку они хорошо изучены [9, с. 202–253], отметим только, что определенный опыт для осуществления такого замысла у него уже был. Так, после завершения романа «Белая гвардия» в начале 20-х годов он создает на его материале пьесу «Дни Турбиных». При этом, по-видимому, обстоятельства не только субъективного, творческого характера, но и объективного, общественного, указывающего на актуальность и в начале 30-х годов XX века проблем, затронутых Гоголем в поэме, определили его обращение вновь к художественному опыту своего предшественника. Сохранив первоначальное, гоголевское название своей пьесы, он передал в ней, как и в написанном ранее рассказе, далеко не все художественное содержание произведения Н. В. Гоголя, проявив, как и прежде, избирательность подхода. У Булгакова при создании пьесы акцент сделан, как и в рассказе, прежде всего на критическом, обличительном характере изображенных в ней персонажей. При этом он не оставил без внимания и художественный опыт гоголевской комедии «Ревизор». Правда, тот более высокий уровень художественного обобщения, который сказывается в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя как при изображении персонажей, так и обстоятельств их жизни (жизнь чиновников уже не уездного, а губернского города, а также приезжающих в него помещиков, центрального персонажа – Чичикова, реализующего свой хитроумный замысел), и который М. А. Булгаков отразил в своей пьесе, позволяет говорить об использовании им и традиций поэмы Н.В.Гоголя. Более того, творческая инициатива Булгакова при обращении к гоголевской традиции в художественном содержании пьесы «Мертвые души» проявляется и в том, что он применяет дополнительные средства, которые усиливают обличительную тональность произведения. Скажем, конкретное выражение они находят в последней сцене комедии, изображающей, как блюстители закона в лице Полицмейстера и Жандармского полковника, взяв с героя большую

взятку и уничтожив все компрометировавшие материалы, отпускают его на свободу, дав возможность покинуть город. Правда, сопоставление развязки пьесы Булгакова с ранней и поздней редакциями одной из последних глав второй книги «Мертвых душ» Н.В.Гоголя, казалось бы, дает основание утверждать, что автор пьесы лишь добросовестно повторил то, что мы находим у Гоголя. Однако это не совсем так. Глава у Гоголя построена таким образом, что его герой задумывается о возможности изменения своего прежнего образа жизни. И происходит это не только вследствие его ареста, но также и под влиянием беседы с откупщиком Муразовым, который принимает активное участие в освобождении Чичикова. В какой-то степени возможность духовного возрождения Чичикова, на наш взгляд, отражена и в пьесе Булгакова, однако при этом она передана у него все же несколько иначе, о чем будет сказано дальше.

Творческое использование гоголевских традиций проявляется в комедии М.А.Булгакова не только на уровне художественного содержания произведения, но также и на уровне его содержательно-формальных, в частности родовых и жанровых признаков. Создавая на материале эпического произведения, каким являются «Мертвые души» Гоголя, свою пьесу, М.А.Булгаков в полной мере учитывал ее специфику как произведения драматического рода литературы. Во-первых, зная, что объем текста пьесы зависел от времени её исполнения на сцене в течение лишь 3 – 4-х часов, М.А.Булгаков свел к минимуму такой важный элемент повествования в поэме Н.В.Гоголя, как описание. Современное литературоведение определяет его как «воссоздание посредством слов чего-то устойчивого, стабильного или вовсе неподвижного (таковы большая часть пейзажей, характеристика бытовой обстановки, черт наружности персонажей, их душевных состояний)» [4, с.142].

Во-вторых, с этой особенностью драматических произведений связано и изменение расположения событий в пьесе Булгакова по сравнению с поэмой Гоголя. Так, завязка сюжета, рассказывающая о том, как у Чичикова возникла идея приобретения мертвых душ, из последней, одиннадцатой главы первой книги поэмы Гоголя перемещается в пролог, с которого и начинается пьеса Булгакова. Произведенная писателем перестановка элемента сюжета придала развитию действия пьесы динамику, логическую последовательность, что отвечало особенностям произведений драматического рода литературы. Однако при этом, на наш взгляд, не был нарушен и замысел Н.В.Гоголя, связанный с сюжетной линией центрального персонажа поэмы.

В-третьих, воссоздавая события произведения Н.В.Гоголя в рамках драматического рода литературы и сведя к минимуму в пьесе описание, применив вместо него такое традиционное для драматических произведений средство, как авторские ремарки, М.А.Булгаков, по-видимому, убедился в их малой эффективности при раскрытии художественного мира гоголевского произведения. Имен-

но этим, как нам кажется, объясняется введение в текст комедии персонажа, который отсутствует в поэме Гоголя и который в пьесе Булгакова проходит под прозвищем Первый. Его назначение состоит в том, что своим присутствием он старается восполнить, компенсировать элемент описания в том объеме, который отражен в поэме Гоголя. Подтверждением сказанному, на наш взгляд, может служить многократное появление этого персонажа в пьесе – 32 раза, а также многофункциональность его роли в произведении Булгакова. Он выступает в качестве комментатора происходящих событий. Он также описывает внешность персонажей, их мысли, переживания, обстановку в доме и даже пейзаж. Наконец, в какой-то степени он выражает и авторские мысли по поводу происходящего.

Правда, некоторые исследователи, в частности В. В. Новиков, считают, что введение М. А. Булгаковым в текст пьесы образа этого персонажа было не очень удачным приемом, поскольку недостаточно учитывало особенности театрального действия. Именно поэтому при постановке пьесы на сцене МХАТ этот персонаж отсутствовал [7, с. 41]. Более убедительной все же нам кажется точка зрения А. Смелянского, объясняющая происшедшее при постановке спектакля не слабым художественным уровнем воплощения этого персонажа в пьесе, а обстоятельствами как субъективного характера (различное понимание М.А.Булгаковым и К.С.Станиславским особенностей театрального действия), так и объективного (восприятие исторической эпохи, в которой они жили). «Пьеса, – считает критик, – нарушала не только канон обычной репертежи, но и допустимые тогда границы в толковании текста и понимание Гоголя» [9, с. 235].

Творческий характер использования традиций «Мертвых душ» Н.В.Гоголя М.А.Булгаковым проявился, на наш взгляд, и в жанре произведения – комедии. Ведь согласно современным научным представлениям жанр включает в себя как содержательные, так и формальные признаки. Акцент на изображении негативных сторон общественной жизни и отражении их в поведении действующих лиц пьесы определил содержательный момент произведения М.А.Булгакова, которое названо им комедией со всеми признаками комедии сатирической. Из других важных признаков этого жанра, называемых исследователями [10, с. 19–20] и отраженными в его пьесе, укажем на контраст между завязкой и развязкой произведения, а также на положенный в основу конфликт, передающий столкновение одно-

го отрицательного жизненного явления с другим. Первый из названных признаков в комедии Булгакова проявляется в том, что в развязке пьесы показано, что замыслам Чичикова не суждено сбыться, он терпит поражение. Конкретное проявление второй особенности комедии состоит в том, что Чичиков терпит поражение не от персонажей, представляющих силы добра, а от еще более прожженных мошенников, чем он сам, хотя Полицмейстер и Жандармский полковник в пьесе и представляют государственную власть. Кстати, эта особенность конфликта пьесы Булгакова, равно как и поведение в её развязке Полицмейстера, а также появление Жандармского полковника, отсутствовавшего в произведении Н.В.Гоголя, также свидетельствуют о творческом использовании Булгаковым художественного опыта поэмы «Мертвые души». Правда, завершается пьеса М.А.Булгакова не сценой успешного отъезда Чичикова из губернского города после освобождения за большую взятку из-под стражи, а монологом персонажа, проходящего в ней под именем Первый. Его последние слова – это слова о дороге: «О, дорога, дорога!.. Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя. И ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. И сколько родилось в тебе замыслов и поэтических грез...» [3, с.542]. Учитывая его особую роль в пьесе Булгакова, можно утверждать, что он передавал мысли как автора, так и самого гоголевского героя – Чичикова. И тот факт, что слова благодарности в монологе Первого адресованы не лицам, которые, хотя и не бескорыстно, помогли Чичикову выпутаться из беды, а именно дороге, т.е. явлению, казалось бы, не связанному с теми жизненными проблемами, которые приходилось решать гоголевскому герою, – все это, как нам кажется, передает уже не грустную улыбку, как в рассказе, а надежду автора на возможность преодоления сил зла в человеческой жизни и, быть может, в душе его героя. В утверждении этой мысли нам также видится творческое использование М.А.Булгаковым в его комедии художественного опыта «Мертвых душ» Н.В.Гоголя.

Подведем итоги. Если наши наблюдения за использованием М.А.Булгаковым в своих произведениях традиций «Мертвых душ» Н.В.Гоголя не лишены основания, то можно утверждать, что оно было оправдано и плодотворно. Не ошибемся, если скажем, что художественный опыт великой поэмы Н.В.Гоголя и его творческое применение М.А.Булгаковым не утратили своей значимости и в наше, постсоветское время.

Литература

1. Боров, Юрий. Эстетика. / Юрий Боров. – М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. – 829 с.
2. Булгаков, Михаил. Похождения Чичикова: Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом // Михаил Булгаков М. Избранные произведения: в двух томах. / Михаил Булгаков. – К.: Дніпро, 1989. – Т. 1. – С. 331–343.
3. Булгаков, Михаил. Мертвые души: Комедия по поэме Н.В.Гоголя в четырех актах (двенадцать картин с прологом) // Булгаков Михаил: Пьесы / Михаил Булгаков. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 489–542.
4. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Под редакцией Л.В.Чернец. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души: Поэма // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Худож. лит.,

1967. – Т. 5. – 622 с.
6. Купреянова Е. Н. Н. В. Гоголь // История русской литературы в четырех томах / Е.Н.Купреянова. – Ленинград: Наука, 1980-1983. – Т.2. – С.530-579.
 7. Новиков В.В. М. А. Булгаков – драматург // Булгаков М.: Пьесы / В.В.Новиков. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 3–46.
 8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание шестое, стереотипное /С.И.Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.
 9. Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре / А.Смелянский. – М.: Искусство, 1986. – 384 с.
 10. Толстов Е. П. Сатирические жанры в творчестве Маяковского: (Текст лекции по спецкурсу) – Ужгород, 1972. – 36 с.
 11. Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. Чудакова. – М.: Книга, 1988. – 672 с.

Станислав Шошура

ТРАДИЦИИ Н.В. ГОГОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. БУЛГАКОВА

Аннотация. Традиции Н.В.Гоголя, в частности его поэмы «Мертвые души», рассматриваются с точки зрения их творческого использования в таких произведениях М.А.Булгакова, как рассказ «Похождения Чичикова» и комедия «Мертвые души». Художественный опыт «Мертвых душ» Гоголя раскрывается у М.А.Булгакова как на содержательном уровне (трактовка образа Чичикова), так и на уровне использования им художественных средств, а также на содержательно-формальном уровне (учет родовых и жанровых признаков произведений).

Ключевые слова: гоголевские традиции, творческое использование, образ Чичикова, художественные средства.

Stanislav Shoshura

N.GOGOL'S TRADITIONS IN M.BULGAKOV'S CREATIVE WORKS

Summary. N.Gogol's traditions, in particular his "The dead souls" poem, are examined from the point of view of their creative use in M. Bulgakov's such works as the story "Tchitchikov's adventures" and the comedy "Dead souls". Art experience of N. Gogol's "Dead souls" is used by M. Bulgakov as at level of matter (interpretation of Tchitchikov's image), as at level of art means and also at level of matter and form (including genre signs of works).

Key words: Gogol's traditions, creative use, Tchitchikov's image, art means.

Шошура Станіслав Миколайович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри методики викладання іноземних мов і зарубіжної літератури Миколаївського національного університету ім. В. Сухомлинського.